

Политические процессы и практики

ЯНИЦКИЙ Олег Николаевич — д.филос.н., профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/25, корп. 5; oleg.yanitsky@yandex.ru)

АДАПТАЦИЯ КАК ВЕЧНАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация. В статье анализируется проблема адаптации индивида и институтов его социального воспроизводства в условиях «текучей модернити». Содержание этих понятий, современный индивид «на ветру постоянных перемен», почему существующие институты социального воспроизводства становятся неэффективными, роль СМИ в процессах адаптации индивида и некоторые характеристики его адаптивного процесса в новых условиях – таковы основные темы статьи. В «текущем мире» задача любых институтов и форм адаптации – это не ориентация на создание «конечного продукта», а формирование типа личности, готовой к любым переменам, к пребыванию в меняющихся условиях, в т.ч. в критических. В русской культуре издавна существует такой тип личности, сформированный всем ходом ее истории, – «бывалый человек».

Ключевые слова: адаптация, индивид, социальные институты, критические условия, «текучая модернити», мир, Россия

Каждый индивид, как и общество в целом, находится в непрерывном процессе адаптации. Так было всегда, изменялись только способ и скорость адаптационных процессов. Любое открытие (новых возможностей, закономерностей, связей), любое изменение способа производства, завоевательные и освободительные войны, освоение новых пространств, включая космическое, и использование новых ресурсов, наконец, мир и война — все эти процессы и состояния требовали изменения форм и способов адаптации к ним человека и общества. Сначала человек адаптировался к природе, затем он создал «вторую природу» и теперь уже вынужден сам адаптироваться к ней. Мир еще не успел адаптироваться к «интернету людей», как впереди уже маячит необходимость адаптироваться к «интернету вещей», которую сильные мира сего, как, например, Клаус Шваб, создатель и исполнительный директор Глобального экономического форума (Давос), именуют четвертой промышленной революцией, что означает тотальную роботизацию нашей жизни, резкое сокращение занятости, прежде всего среднего класса, и другие малоприятные вещи. Но и без нее население мира все время (хотя и по разным причинам) находится в состоянии сильного напряжения, обусловленного перманентной необходимостью приспосабливаться к изменяющейся среде обитания — социальной, природной, технологической и т.д.

«Текучая современность»

Известный английский социолог З. Бауман охарактеризовал настоящее время как «текучую современность». Выпустив множество книг, рассматривающих ее под самыми разными углами, он назвал «текучесть» ее главным, если не всеобщим качеством. Но еще раньше немецкий социолог У. Бек назвал современное общество «обществом всеобщего риска» и, помимо этой всеобщей его рискогенности, указал на такие его качества, как неопределенность, некалькулируемость последствий его действий и непредсказуемость его будущего. Можно только сожалеть, что книги этих исследователей, будучи уже давно переведенными на русский язык, так и не оказали влияния на общественные науки России.

Когда я в 1960-х гг. начинал осваивать американскую социологию, считалось, что в мирное время американец в среднем меняет место работы и жительства 4–5 раз в течение жизни. Сегодня не только в США, но и во всем мире ситуация может измениться буквально в считанные часы. 10 лет назад в амбициозной книге

«Европейский союз: следующие десять лет» [European Union... 2007] буквально все ее авторы — политологи, социологи, специалисты в области естественных и технических наук, журналисты и художники — предсказывали этому объединению блестящее будущее. Сегодня там сложилась совершенно новая политико-экономическая и культурная ситуация, к которой пока не могут адаптироваться ни коренные жители Европейского союза, ни приезжие. Мультикультурализм рухнул, толерантность — под вопросом, идет самая заурядная торговля между А. Меркель и Д. Камероном об условиях сохранения Великобритании в рамках этого союза. В свою очередь Меркель торгуется с Э. Эрдоганом о сумме отступного, которую он хотел бы получить за сдерживание потока беженцев, и т.д. Другие европейские политики предлагают строить стену между Грецией и другими странами Балканского полуострова и вообще вернуться к системе государственных границ, хотя бы и временно. Россияне тоже неожиданно потеряли уже ставшую привычной возможность отдыха на курортах Египта и Турции, города остались без турецких овощей и фруктов и т.д.

Куда «течет» эта современность — серьезный вопрос. Но сначала зададимся более важным вопросом: а нужна ли вообще эта сумасшедшая текучесть? Никто не спорит, что наука, техника, производство развиваются и требуют перемещения людей в поисках образования, работы, устройства личных дел и вообще лучшей жизни. Но контролируется ли это нарастающее ускорение всего и вся? Возникает подозрение, что это «ускорение» политически и экономически кому-то выгодно. В самом деле, чем больше люди мигрируют в поисках названных благ, тем менее они политически озабочены, организованы и вообще их национальная и культурная идентичность размывается, если не уничтожается. Еще в конце XIX в. О. Шпенглер называл жителей больших городов «кочевниками» и «паразитами». Почему? Да потому что для кочевника, вахтовика большой город есть лишь «среда потребления» (отдохнуть, отоспаться или отработать положенный срок и переместиться на новое место). Но все же не современный кочевник есть главная движущая сила этой всеобщей «текучести». Главная сила, как и 100 лет назад, — это система капиталистического накопления. Если капитал куда-то перемещается в поисках прибыли, то за ним течет нужная ему «рабочая сила». А сегодня финансовый капитал перемещается по миру столь быстро, что говорить о какой-то стабильной жизни, предполагающей адаптацию к новому месту жительства, соседям, культуре просто невозможно. Эта бесконечная гонка подогревается пропагандой потребительского образа жизни. Давно прошли те времена, когда человек мог самостоятельно выбирать друзей, вещи, людей или место работы. Сегодня практически с самого детства индивид загоняется в «беличье колесо», в котором, чтобы выжить, он должен потреблять то, что ему предписывают СМИ. Не случайно западные СМИ предлагают индивиду уже готовые «стили жизни». Казалось бы, маленькая поправка, но она предполагает, что индивид уже не способен делать сознательный выбор сам, поэтому ему надо предлагать готовые «стили», чтобы он не заморачивался. А это уже не выбор, а императив, подобно корпоративному дресс-коду. Но т.к. бесплатного сыра не бывает, то человек постепенно становится рабом кредиторов и СМИ, которые проектируют его жизнь. Удобно? Да, ведь больше не нужно осуществлять сознательный выбор, т.е. думать, сравнивать, принимать решения. Все уже сделано за него.

Индивид на ветру перемен

Адаптация всегда предполагает наличие некоторых разграничений: между прошлым, настоящим и будущим, между «я» и «они», «здесь» и «там», между фронтом и тылом, между ситуациями более и менее опасными. Один из фунда-

ментальных принципов функционирования человека как социального существа предполагает его попеременное включение в те или иные формы социальной активности или их среды и отключение от них. Действие предполагает моменты осмысления и принятия решения, теоретическое мышление без эксперимента и т.д. На принципе включения-обособления зиждется концепция «кокона основополагающего доверия» (Э. Гидденс), которую я позже трансформировал в концепцию «первичной экоструктуры» индивида [Yanitsky 2012]. Но если все относительно и насквозь пронизуемо, если сосед может оказаться террористом, если семья уже не помогает, а все бывшие точки опоры в этом пространстве больше не существуют, то индивид действительно оказывается «на ветру» постоянных и никак не зависящих от него перемен.

Человек почему-то думает, что рынок — это где-то там, за углом, на соседней улице. Нет, рынок — это потенциальный и неумолимый разрушитель человеческих общностей любого масштаба и сложности. Как сказал несколько лет назад Нобелевский лауреат по экономике К. Эрроу, «рынок не совместим ни с чем. Ни с демократией, ни с авторитарным строем — ни с какой формой правления... Если угодно, рынок вообще вытесняет общество как каркас человеческих отношений». Это надо понимать так, что рынок, т.е. капиталистическая экономика, есть альтернатива тому обществу, в котором мы привыкли жить, т.е. обществу структурированному.

В течение многих веков некоторая модель или образ будущего были важнейшим инструментом для ориентации человека в настоящем. «Текущая современность» *de facto* отняла у людей стратегическое мышление как практический элемент и для адаптации «здесь и сейчас», и для ориентации в социальном пространстве современности. Можно сколько угодно критиковать образы будущего, присущие коммунистической доктрине. Однако нельзя отрицать, что эти образы помогали людям «строить и жить», особенно в критических ситуациях нашей истории.

Я не случайно употребил словосочетание «индивид на ветру». Текущая современность — это синоним глобализованного общества, которое, в свою очередь, порождает «индивидуализированное общество». В нем «уровень жизни, общественное положение, признание полезности и права на собственное достоинство могут исчезнуть все вместе и без предупреждения» [Бауман 2002: 107]. К этой оценке глобализованного общества можно прибавить такие его качества, как жизнь «по-бразильски» (случайная краткосрочная работа без каких-либо гарантий); всеобщая незащищенность и порождаемый ею экзистенциальный страх; замена моральной оценки соблюдением процедурных правил, отказ государства от своей обязанности быть гарантом всеобщего права на достойную жизнь. Временная устойчивость человеческих групп и объединений детерминруется все тем же глобальным рынком, отражая его неопределенность и непредсказуемость. Как пишет Бауман, в таком обществе «забвение в большей мере, чем обучение, является условием постоянного поддержания себя в необходимой форме» [Бауман 2002: 109].

Вот на последнем тезисе я хотел бы остановиться чуть подробнее. В детстве и юности, живя в среде врачей, я не только привык слышать такие ключевые слова, как «анамнез» (история болезни) и «консилиум» (совет врачей непосредственно у постели больного), но и много раз наблюдать сам процесс общения врача с больным. Для врачей той эпохи все было важно: история его недугов, общее состояние больного, его жалобы, состояние кожных покровов и многое другое. (Замечу в скобках, что Т. Парсонс, И. Гоффман и многие другие выдающиеся социологи современности были поначалу клиницистами, т.е. работали с больными.) Сегодня же анамнез, т.е. по существу история человеческой жизни,

врачей не интересует. Есть только жалобы больного «здесь и сейчас» и два мощных инструмента дистанционного общения с ним и лечения: компетентность и протокол. Насчет «компетентности» современных молодых врачей я сильно сомневаюсь, сам изучал их практику в качестве включенного наблюдателя, а пресловутые протоколы, т.е. утвержденные где-то там, «наверху», схемы обследования/лечения, никак не соотносятся с индивидуальными особенностями данного человека. Коллеги политологи и социологи часто жалуются на недостаток средств для изучения адаптационных процессов. Зайдя в свою районную поликлинику, вы быстро убедитесь, что ситуация «перевернулась»: не врач «адаптирует» лечение к вашей уникальной ситуации, а вас «адаптируют» к интересам и правилам обезличенной машины современной медицины. Говоря в общем, в «текущем обществе» угрозы и риски порождаются прежде всего им самим, его социально-экономическим укладом.

Институты образования теряют свою адаптивную функцию

Прошлый век прошел под влиянием научных и нравственных стандартов, задаваемых средними, в т.ч. специальными, учебными заведениями, университетами и Академией наук. Именно эти институты, вкуче с крупнейшими общественными организациями, задавали стандарты адаптации к профессиональной деятельности. И именно там молодежь овладевала сложным искусством создания новаций. Но уже тогда по собственному опыту я видел, что наибольший успех достигался при соединении знания и действия. Институт образования — это не вино, ценность которого возрастает по мере его старения. Роль учителя как ментора, адаптирующего ученика к жизни, сегодня определяется максимой: «Если я есть в СМИ, значит, я существую».

Сегодня привилегированная роль этих институтов сходит на нет. «Во времена, когда все — студенты, учителя и учителя учителей — имеют равный доступ к мониторам, подключенным к Интернету, когда последние достижения научной мысли, должным образом переработанные, адаптированные к требованиям учебных программ, легкие для использования и упрощенно интерактивные, продаются в каждом магазине компьютерных игр, а последние модели обучающих игрушек попадают в распоряжение человека в зависимости от наличия у него скорее денег, чем ученой степени, — кто осмелится утверждать, что его претензия на обучение несведущих и помощь потерявшим ориентиры не является его *естественным* правом?». Бауман называет причины утери этой монополии: утеря права формировать логику обучения, «биржа популярности», порожденная рынком, и ускоряющееся старение приобретенных навыков. Университеты все более превращаются в убежища в обществе, пораженном хронической безработицей [Бауман 2002: 164-165]. От себя добавлю еще две причины: нежелание организовывать процесс обучения по *проблемному*, а не по *предметному* принципу и междисциплинарный подход к изучению любых предметов. Как показало успешное существование студенческого движения охраны природы в СССР/России в течение 50 лет, обучение и адаптация к изменяющимся реалиям жизни происходит наиболее успешно, если следовать принципу «обучение в ходе работы» (*learning by doing*).

Медиакратия?

Этот иностранный термин есть игра слов. По-английски *mediocracy* обозначает одновременно и власть СМИ, и господство посредственности, мещанства, что еще полутора веков назад подметил А.И. Герцен. Деятельность СМИ, особенно тех, которые ведут информационную войну с Россией, имеет двойной смысл. С одной стороны, эти СМИ транслируют в массы принципы жизни,

которые позволяют правящей элите реализовывать на практике принципы «управляемого хаоса» (термин И. Пригожина и И. Стенгерса), который необходим для достижения ее целей. И, в частности, создавать для массового потребления образ врага, главным из которых раньше был СССР, а сегодня — Россия. Одновременно СМИ порождают феномен «разорванного сознания» и тем самым его демобилизуют. Инструментов для этого несколько. Это, во-первых, постоянный вброс в массовую аудиторию «горячих новостей» (*breaking news*), причем происходит процесс их непрерывной смены; аналитикой их длинных волн, которые и дают индивиду понимание связи событий и его собственной жизни, СМИ практически никогда не занимаются. Во-вторых, это уже упомянутый выше метод формирования образцов поведения (стилей жизни). В-третьих, это ежедневное и ежечасное подтверждение того, что для «адаптации» к этому калейдоскопу событий есть только один способ — слушаться СМИ. В-четвертых, с одной стороны, идет ползучая милитаризация массового сознания, а с другой — пропагандируется модель «диванной войны»: т.е. война есть, но где-то там, не у нас. И наконец, все возрастающая роль «говорящих голов», т.е. экспертов, которые могут свободно высказывать разные точки зрения, но от этого рядовому человеку, который стремится выработать какую-то собственную линию поведения в условиях кризиса, легче не становится. К сожалению, некоторые из этих черт присущи и нашему ТВ.

Примерно по той же схеме действуют и местные власти. С одной стороны, они продолжают зачищать городское пространство от ларьков и газетных киосков, объясняя это тем, они угрожают безопасности важных коммуникаций под ними. А то же время по ТВ каждый день показывают, что наиболее опасными для людей и города являются не киоски, а машины и люди, начиненные взрывчаткой. Власти расклеивают во всех жилых и общественных зданиях городов листовки-схемы эвакуации жильцов или персонала на случай катастрофы. А по ТВ 2–3 раза в неделю мы видим «картинки» аварий и катастроф, где ни спасателям, ни пострадавшим не до этих схем и листовок.

Я недавно пытался разобраться в том, какой именно у нас кризис на дворе. Нашел не менее десятка его научных и политических определений. Посмотрел серию ток-шоу на нашем ТВ, там картина еще разнообразнее. Почитал наших ведущих экономистов, пишущих в «Коммерсанте» и «Ведомостях» — тот же разноречивой. Странная картина получается. Президент В.В. Путин говорит о некоторых трудностях, а вокруг — целый хор мнений, только это не хор, а информационный шум. Потому что в подобных кризисных ситуациях такая «демократия» вредна, власть и ее институты должны действовать в унисон, тогда простой народ не будет так дергаться и попадать в очередную «пирамиду». Это не значит, что в ходе реализации антикризисных мер не могут происходить изменения. Но нужна линия, не побоюсь этого слова, «генеральная линия». Только в этом случае мы не только сможем адаптироваться к кризису, но и выйдем, наконец, на стезю реальной модернизации.

Адаптация в новых условиях

Можно ли адаптироваться к «текущей современности»? Можно, но лишь при условии постепенного изменения способа социального воспроизводства. Задача: развитие способности человека существовать в мире неопределенности и неожиданных перемен. Воспроизводство человеческих качеств сегодня все более осуществляется не в вузах и аспирантурах, а во временных мобильных системах обретения новых знаний и навыков, совокупность которых получила название «третичного образования». Чем больше сокращается воспроизводственная роль семьи и местного сообщества, тем более востребованы временные курсы, летние

школы, дистанционное обучение и другие способы переподготовки, приспособляющие человека к этой «текучести».

Хотя многие политологи и социологи называют современное общество индивидуалистическим, оно не может существовать без своего противовеса — *солидарных действий*. Если все адаптивные механизмы сегодня находятся вне индивидуального контроля, то у человека остается только одно средство воздействия на них — массовое солидарное действие, которое может осуществляться как реально, в виде забастовок и массовых протестов, так и виртуально — путем создания «облачных» массовых общностей. Российские СМИ и ведущие политики привычно трактуют любое массовое действие (митинг, шествие, демонстрацию) как политическую акцию. Это не совсем так. Уже на памяти нынешнего поколения произошло множество массовых действий совсем не политического характера: в защиту природы, памятников истории и культуры, с целью благотворительной и иной помощи российским гражданам, пострадавшим от природных и техногенных аварий и катастроф. Развивается волонтерское движение, имеющее глубоко гуманистическую направленность. А «крестные ходы» прошлого и настоящего?

В нашем политическом лексиконе давно укоренился стереотип: «согласно массовым опросам...». Или еще проще: «социологи сказали...». А социальных психологов когда-нибудь кто-нибудь спрашивал, как эта адаптация происходит? Снова свидетельствую как старый человек, ходивший на демонстрации еще в сталинскую эпоху: мы ходили на майские демонстрации совсем не по приказу — это был праздник, настоящий праздник! Конечно, были и организаторы, и «смотрящие». Но такого количества полиции и других специальных подразделений, как сегодня, я в те времена никогда не видел. Желание побыть на празднике вместе со всеми — очень сильный мотивирующий фактор.

Мне возразят: сегодня совсем другие времена! Верно, но именно в современном текучем и глубоко индивидуализированном обществе массовые действия особенно нужны и важны. Они создают если не чувство солидарности, то, во всяком случае, чувство локтя и общности, утраченные в глубоко индивидуализированном обществе. Эти действия, как это было в Париже после терактов в «Шарли Эбдо» и других местах, вызвали ответную реакцию единения французской нации. С точки зрения безопасности она, наверное, была не лучшей, но она сыграла огромную консолидирующую роль в Европейском сообществе. В «Марше республики», который состоялся в Париже 11 января 2015 г., приняли участие несколько миллионов парижан и руководители десятка европейских стран. А массовое шествие «Бессмертный полк» — идея, которая родилась в Томске и которую ее авторы, С. Колотовкин и С. Лапенков, называют гражданской инициативой? Ведь «Бессмертный полк» прошел не только по многим городам РФ, но и по бывшим республикам СССР и даже был реализован в Израиле, где еще живут ветераны Великой Отечественной войны. В текучем и индивидуализированном обществе такие массовые действия особенно нужны, и их не заменят никакие концерты выдающихся поп-звезд или показательные выступления спортсменов. Столь же бесполезны попытки загнать волонтерское движение в рамки организованного сверху социального действия. Это движение не только приносит несомненную пользу людям, но и утверждает их в собственных глазах, что они ни фишки в чьей-то политической игре, а самостоятельные инициативные граждане своей страны. Люди должны уметь думать и действовать самостоятельно в любых условиях. Адаптация к любым обстоятельствам — это не только выполнение «приказа», но и сознательный выбор.

Итак, в «текучем мире» задача любых институтов и средств адаптации — это не ориентация на создание «конечного продукта», а формирование типа личности,

готовой к любым переменам, к пребыванию в меняющихся условиях и средах, в т.ч. к действиям в критических обстоятельствах. В русской культуре издавна существует такой тип личности, сформированный всем ходом ее истории: «бывалый человек».

Статья является результатом работы по проекту «Социология критических состояний городских систем: теория и практика», грант РГНФ № 15-03-000-27.

Литература

Бауман З. 2002. *Индивидуализированное общество*. М.: Логос. 390 с.

European Union: The Next Fifty Years (ed. by M. Fraser). 2007. London: Financial Times Business.

Yanitsky O. 2012. A Primary Eco-Structure: The Concept and Its Testing. – *Social Analysis*. Vol. 2. No 2. P. 7-24.

YANITSKIY Oleg Nikolaeovich, Dr.Sci.(Philos.), Professor, Senior Researcher of the Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (24/35, bld. 5 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; oleg.yanitsky@yandex.ru)

ADAPTATION AS A PERPETUAL PROBLEM

Abstract. *The issue of perpetual adaptation of a man and society to the liquid modernity is analyzed conformably to global and Russian conditions. The main topics of the article are the essence of the notions of adaptation and liquid modernity; an individual at this 'windy road'; why the past institutions of adaptation have lost their functions; the role of mass media; and the adaptation processes under the conditions of perpetual changes. The author concludes that in the liquid world the task of any institution of adaptation is not in a final product, but in a new type of personality, well prepared to any changes, to act in various environments including the critical ones. The prototype of such personality had been shaped by Russian history long ago: it is a worldly-wise man.*

Keywords: *adaptation, critical conditions, individual, institutions, liquid modernity, world, Russia*
